

ПРЫЖОК В ЗАВТРА

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

1.

Однажды я настроился написать книгу очерков. И с этой целью прежде всего решил пуститься в путешествие по Ставрополью...

Так вот приступив к этим своим заметкам, я вдруг задумался: «А не с громких ли фраз начал?» И тут же сам себе ответил: «Пожалуй, нет».

И думаю, что я ничего не преувеличиваю. Посудите, читатель, сами. Ведь предпринял-то я путешествие по краю, который своей площадью превосходит такие европейские государства, как Бельгия и Голландия, взятые вместе. Как видите, тут было где, так сказать, разгуляться...

Спешу оговориться: выдвигая на первый план масштабный аргумент, я, впрочем, имел в виду не только громадное пространство Ставропольского края, равное 70 тысячам квадратных километров, но и то, главным образом, что на его территории даны чуть ли не все имеющиеся в Советском Союзе типы ландшафтов: и сказочные хвойные и лиственные леса, и открытые всем ветрам полупустыни, и альпийские луга, и засушливые степи, и горные массивы под вечными ледниками, и дышащие жаром песчаные буруны... Есть что посмотреть!

После этого не трудно представить себе, что сама природа здесь, на Ставрополье, создала столь ярко выраженные климатические зоны. И каждая, естественно, имеет свои почвы: пески, каштановые, светло-каштановые, темно-каштановые, каштановый чернозем, карбонатный чернозем, типичный предкавказский чернозем, глинистый чернозем, предгорный и горный черноземы, горно-луговые и горно-лесные

почвы... Вот сколько «почвенных разностей» набралось! Какая качественная пестрота земли — главного средства производства продуктов питания! Сколько своеобразных, а порой и резко противоположных почвенно-климатических условий!

И это хочется особо подчеркнуть: вряд ли в нашей стране есть еще такой край...

Тут же следует заметить, что все они, эти разнообразные условия, в любой зоне — в одной в большей степени, в другой в меньшей — весьма благоприятные для сельскохозяйственного производства. Ставропольская земля щедро родит все, что нужно для жизни человека! И труженики полей довольно успешно, все с более ощутимой «отдачей» борются за то, чтобы заставить землю в полную силу служить Родине.

При этом не лишне, мне кажется, напомнить, что борьба идет далеко не равная: на широком фронте непрерывных схваток с неразумной стихией — вот уж бесспорная истина! — не все зоны с одинаковой «нагрузкой» несут тяготы сражений. И на это обстоятельство незачем закрывать глаза.

Вот мне и хотелось по всему «фронту» проехать...

Должен признаться, что у меня, кроме этих, выраженных в самой общей форме, намерений, заранее не было обдуманного и сколько-нибудь конкретного плана. Собираясь в дорогу, я не знал, о ком и что именно буду писать, хотя память моя хранила много хорошо известных мне имен знатных людей края — передовиков, новаторов. Не скрою, что у меня даже определенного маршрута не было. Да и не

все ли равно, куда ехать сначала, если путешествие было без какой-то конкретной нацеленности...

Думалось: там, на местах, встречу со старыми знакомыми и познакомлюсь с новыми для меня замечательными людьми, которых у нас можно встретить везде, вникну в их дело — и все это явится ценным материалом для очерковой книги. Словом, как-то получилось так, что я тронулся в путь без какой бы то ни было предварительной подготовки, отдавая себе отчет в том, что такая «неорганизованность» чревата неизбежной потерей уймы времени без видимой, пользы...

Единственно, что я сделал непосредственно перед самой поездкой — перечитал «Власть земли». Печать как раз отмечала пятидесятилетие со дня кончины Глеба Успенского, выдающегося русского писателя, чьи произведения дали правдивую картину жизни дореволюционной деревни. Должен признаться: и повторное чтение его очерков меня глубоко взволновало. А один отрывок, особенно поразивший меня своей выразительностью, я обвел красным карандашом:

«Вот сейчас из моего окна я вижу: плохо прикрытая снегом земля, тоненькая в вершок зеленая травка, а от этой тоненькой травинки в полной зависимости человек, огромный мужик с бородой, с могучими руками и быстрыми ногами. Травинка может вырасти, может и пропасть, земля может быть матерью и злой мачехой, — что будет, неизвестно решительно никому. Будет так, как захочет земля; будет так, как сделает земля и как она будет в состоянии сделать... И вот человек в полной власти у этой тоненькой травинки. Ведь она только через год, почти день в день, принесет на мужицкий стол ломоть хлеба, но может и не принести, — она сама во власти каждой тучки, каждого ветерка, каждого солнечного луча... Сколько перемен, неожиданностей, случайностей и огромных последствий, сопутствующих этим неожиданностям! Для этой травинки, для того, чтобы она могла питать, нужна масса приспособлений, масса труда, масса

внимательности во взаимных человеческих отношениях...».

И мне, сравнительно хорошо помнящему дореволюционную деревню, особенно видно, какая это удивительно истинная и яркая картина жизни земледельца, всецело находившегося во власти тучки, ветерка, солнечного луча! Мысленно сопоставляя это не такое уж далекое прошлое с нынешним, еще отчетливее видишь, как неузнаваемо изменился крестьянский труд и быт, как изменился и сам земледелец в колхозной деревне...

Вот с такой настроенностью я и вышел на окраину города Ставрополя, чтобы дожидаться оказии — какой-нибудь попутной автомашины, сесть в нее и ехать, куда она повезет. Ведь, по моему убеждению, люди больших дел и светлых мыслей, о которых мне хотелось написать очерки, есть в любом колхозе и совхозе. Я жаждал встреч с хлеборобами, чабанами, доярками, механизаторами, пастухами, агрономами, зоотехниками, председателями, директорами; с рядовыми и руководящими работниками, которые, став героями моей книги, правдиво поведали бы о «злобе дня» деревенской жизни.

Среди моих первых попутчиков нужных мне людей не оказалось. На всем пути в тот день машины заполнялись оборотистыми мужиками и бойкими бабенками с корзинами и мешками. Их внешний вид и характер разговоров свидетельствовал о том, что это «торговый люд», набивший себе руку на спекуляции...

Дело было весной. Апрель отсчитывал день за днем. В Моздокской степи, куда я, пересаживаясь с машины на машину, в конце концов попал, уже стояла прямо-таки летняя жара и свирепствовал «астраханец». Для меня не было новостью, что здесь всегда гуляют ветры, дующие со стороны астраханских песков через равнинное пространство — Черные земли. А когда я очутился в станице Советской, на нее просто немилосердно насадала с ураганной силой черная буря. Пылевые смерчи высокими столбами ввинчивались в небо, застилая уже не по-весеннему знойное солнце.

Одна из угрюмо-суматошных пассажиров, нелюдимая и с нагловатым взглядом, выгружая корзинки с пустыми мешками, назвала суховейное ненастье «светопреставлением».

Как я узнал у случайных прохожих, «светопреставление» это длилось уже третьи сутки кряду, и теперь напор погибельной бури явно слабел. Подумалось: а ведь черная буря, должно, быть, еще чудовищнее там, где она бьет «прямой наводкой» — ну, скажем, хотя бы в Арзгирском, Курском, Апанасенковском, Левокумском, Степновском, Ачикулакском районах. Про степь Манычскую уж и говорить нечего.

Выпрыгнув из пыльного кузова, я невзначай оказался неподалеку от правления колхоза имени Чкалова. Так вот и попал я в давно знакомое место. Надо сказать, что я хорошо знал этот колхоз: в крае он был; в числе передовых. Его председатель Сергей Яковлевич Клименко зарекомендовал себя умным и энергичным вожаком. Колхозники очень ценили его и как трудолюбца, и как башковитого организатора, и как многоопытного хлебороба. При всем том, станичникам была по душе и такая черта характера Клименко: он, как говорится, за словом в карман не полезет, и любит человек в глаза правду-матку резать. За это его, Сергея Яковлевича, качество люди прощали ему порой и непохвальную резкость и даже крепкое словцо...

Встречи с Клименко для меня всегда были интересными, и я поспешил к нему. Пробираясь по запыленным улицам, разорванным глубоким яром, я не мог не обратить внимания на такое: то тут, то там стояли опустевшие дворы с вырубленными садами; с домами, у которых окна заколочены крест-накрест досками, а на некоторых хатах прямо через всю саманную стену аршинными буквами черным по белому, на-

... Клименко по-казацки ловко спрыгнул с тачанки, угрюмо поздоровался со мной и молча, отряхивая пыль с полувоенного костюма и слегка сутулясь, зашагал в контору. Не трудно было догадаться, что он только что вернулся из степи. Вид у него был такой, как будто он за эти последние дни стал лет на десять старше своих пятидесяти, что порой случается с людьми, в жизни которых что-то не ладится, да еще в чем-то очень важном.

Я строил по этому поводу свои предположения: черная буря, должно быть, причинила большой вред колхозу. Такой ураган чего только не наделает: в одних местах начисто с корнем выдует посевы, в других заметет их огромными пылевыми «сугробами». Опустошит цветущие сады и виноградники. После такой напасти какой уж там урожай! А лучшей весны ждать целый год... Да и будет ли она лучшей?

Молча вошли в комнату председателя. — Черная буря нашкодила? — участливо спросил я, чтобы начать разговор.

— Что — буря? Суховей нам не так страшен! — неожиданно выпалил с места в карьер, к моему удивлению, Клименко, лихо сдвинув на затылок густо запыленную черную кубанку с красным верхом; устало опустился на стул; голос его звучал сипло. — Без хозяина и земля круглая сирота! А буря, самая что ни на есть черная, она не первый год, уже не в диковинку... Конечно, беда немалая; влаги драгоценной выкачает много... Тут ведь дело такое: на «астраханца» узду не накинешь!.. Но если по-человечески обработать землю, посеять, убрать — урожай хлеба никуда не денется! Между прочим, наши посевы целехоньки. Сейчас только что смотрел. А у соседей во многих местах повыдувало. Это я не для хвастовства... И мы хозяева никудышные!..

— Зря на себя наговариваете: у вашей земли хозяева как будто хорошие, — вставил я, зная достоверно, что чкаловцы из года в год снимали наивысший урожай озимой пшеницы в край не засушливой зоне, ловко организовали орошаемый участок близ станицы Советской и выращивали много риса, овощей и фруктов,

верное древесным углем, было выведено стандартное: «Сей дом продается»...

так что их вполне заслуженно прославляли как передовиков.

Потому-то я и возразил:

— Поклеп зачем же возводить на себя?

Впрочем, иногда полезно критически отнестись к результатам своей работы, чтобы добиться большего...

— Это уж так: спуска себе не даем... Система все дело гробит!

—Какая?

— Травопольная... Какая же еще?!

— Опять люцерна погибла? — поспешал уточнить я, зная, что по всему Ставрополью хлебоборобы маются с этой культурой.

— Если бы совсем погибла! Я бы с превеликой радостью устроил поминки ей по первому разряду. С легким бы сердцем списал травы. И, пока еще не поздно, посеял бы что-нибудь другое вместо злополучной люцерны. А как ты ее похоронишь, если она вроде еще дышит... А ну-ка только попробуй сейчас распахать ту люцерну, прокуратуры не миновать... Потому, видишь ли, что никак нельзя без сеяных многолетних трав: травополка — нерушимый закон земледелия! Гектаров шестьсот всяких трав у нас, процентов тридцать пашни занимают... Сколько земли! И какой же жалкий у трав вид. Летом, должно, совсем выгорят. Люцерне уже второй год, а смотреть не на что: торчат порыжелые мышинные хвостики...

Я вынул блокнот, чтобы кое-что записать, но тут же передумал и сунул его снова в карман: чего записывать, если и так запомнится все то, что встречаешь повсюду.

— Думаете с люцерной стало ясно только сейчас? — спросил Клименко и сам же ответил: — Так уж много лет! В лучший год — воз сена с гектара. А доморощенных люцерновых семян мне не приходилось видеть ни разу жизни. И этим летом — это уже точно — семена не вернем. А за них же большие тысячи заплачены! Вернее сказать: выброшены на ветер. Теперь снова готовь денежки, выгребай колхозную кассу, опустошай трудодень и посылай гонцов во все концы, рыщи-ищи семена.

Опять рука невольно потянулась к блокноту...

— К этой беде — два обязательных поля трав в десятиполье — прибавьте еще чистые пары... Это же варварство! Потому-то у меня с языка и сорвалось про сиротство земли... Не по-хозяйски!

Клименко резко повернул голову и как бы с явной неприязнью посмотрел на стену, которая цвела всеми цветами радуги от множества красочных плакатов на всевозможные сельскохозяйственные темы. Среди них был и особенно пестрый — о травопольной системе земледелия, которую председатель пренебрежительно называл «травополкой». Эту кличку я слышал и в других местах...

— На картинке одно загляденье, — ядовито бормотал Клименко, — а на земле с души прет... Придумали систему и размалевывают ее всякими красками, а толку от нее, как... от попугая. Да грош цена такой теории, если она не годится на практике, против жизни идет! Так ведь и мы же, хлебоборобы, не без головы! Вся моя

жизнь — в степи. Каждую кочку земли знаю, каждый кустик; что любит земля, а чего не любит — и это знаю как свои пять пальцев. Кто лучше нас знает, где и что может расти? Потому-то мы и в состоянии как-то управлять землей. И техники у нас прибавилось! Кадры наши выросли и крепки, дорожат колхозом... Так надо же дать простор всему доброму! Вот о чём, товарищ корреспондент, напиши...

Как Сергей Яковлевич Клименко не похож на земледельца времен Глеба Успенского. Что мне ему сказать? Прежде чем писать, надо основательно разобраться, что к чему. Но одно уже и сейчас было ясно: колхознику ненавистна даже мысль о «власти земли», он хочет и может не зависеть от «травинки». Все в нем протестует! Колхознику простор нужен!

Озадаченный такими думами, высказанными Клименко, я, не находя слов для его утешения, молча поднялся со стула и пошел рассматривать плакат, в который уставился председатель. Пробежал глазами по строчкам. Примелькавшиеся фразы,

заполнившие агрономическую литературу. Основу травопольной системы земледелия составило учение В. Р. Вильямса о восстановлении и повышении плодородия почвы при помощи многолетних трав. Все в ней, «прогрессивной системе земледелия», происходит очень просто: под многолетними травами в почве накапливаются перегной и азот, а пахотный слой приобретает комковатую структуру. Вот и достигнуто восстановление и повышение плодородия почвы. Этой же задаче были подчинены и травопольные севообороты. Введение в культуру многолетних трав — основа таких севооборотов. Роль чистых (черных и ранних) паров сохраняла свое значение как средство борьбы с сорняками и накопления влаги. И еще одно важное обстоятельство: животноводство в этих условиях, мол, хорошо обеспечивается кормами...

Действительно, на плакате так называемая «прогрессивная система земледелия» разрисована в самых радужных красках и для глаза заманчиво выглядит. А как она выглядит в жизни? Чтобы это узнать, достаточно послушать Клименко...

Впрочем, для меня все это не было новостью: «травополку» и в других местах хлебобобы поносили на чем свет стоит, хотя нередко с оглядкой. И всегда приходилось слышать много нареканий на «автоматизм» земельных органов, на «шаблонное» отношение к земле, на «забвение» народного опыта.

— В народе как говорят? «Держись за землю: трава обманет», — снова заговорил Клименко. — Лучше не скажешь... В академиях мне не приходилось учиться. Но к науке я всегда прислушиваюсь, чтобы перенять полезное... А вот так, зачем же?! Ну, не получается у нас люцерна, хоть ты что с ней делай! Да на ее полях и ходить опасно: трещины на каждом шагу, того и гляди ногу сломаешь. Пшеничные и кукурузные поля так не высыхают. Ей, люцерне, должно, много влаги нужно? А где она у нас?! Степь наша засушливая... Так для чего же над землей издеваться! Опасно землю не уважать? И обязательно надо заботливо спросить ее, что ей надо?

Иначе она не накормит ни людей, ни скот. И это уже бывало... Уж лучше бы занять поля кукурузой! Или даже озимку посеять; пшеница худо-бедно центнеров десять-двенадцать зерна даст. И солома какая ни есть. Вот т спасение худобе. Ведь ни коров, ни свиней, ни овец, ни птицу кормить же нечем... Падеж кругом!

В словах Клименко обнажилась истина которая была, так сказать, на поверхности жизни, и ее видел всякий, кто хотел видеть. Однако не только «травополка» была повинна в том, на что так сетовал председатель. И Клименко это отлично сознавал, даже «проговорился»,

— Пусть бы в прикубанских районах сеяли многолетние травы, если уж такая мода пришла, — рассуждал он, будто думал вслух. — Может, там чего-нибудь добьются... Так нет же, действуют по принципу: всем, всем, всем! В крайзо под копирку строчат директивы во все районы. Ну, как же это так? Край наш - громадина! Погода и земля разные чуть ли не в каждом колхозе, бригаде... Да разве же это правильно, Когда не учитываются климатические и почвенные особенности, а также возможности разных мест? Тогда заодно и думать нам запретили бы... Да так оно и есть! От этого государству все меньше сдаем продукции, колхоз усаживаем на мель. С такой «системой» недолго остаться совсем без хлеба и без денег... Колхозников ни за понюх табаку работать не заставишь: трудодень должен что-то весить... Все соседей ряды заметно и поредели. И у нас уже есть такие колхозники, что их с индивидуального огорода в степь не заманишь. Некоторые и вовсе бросают свое подворье, и айда по городам и стройкам. А те, которые побессовестнее, в спекуляцию ударились...

И это я видел, конечно, не только в нынешнюю поездку.

— Досаднее всего то, что ничего нельзя изменить, — Клименко нервически забарабанил пальцами по столу, он вообще говорил очень раздраженно. — Только тронь, скажем, люцерну, как сразу насядут на тебя все — от райзовцев и до прокурора и давай «мозги вправлять»... Где уж тут взяться местной инициативе!

Забегая несколько вперед, скажем: вопросы, так мучившие Клименко и многих других, к счастью, в скором времени, год спустя после этой нашей встречи, были рассмотрены на историческом сентябрьском (1953 г.) и последующих Пленумах ЦК КПСС, которые отбросили все, что сковывало тогда колхозное производство, и открыли путь для крутого подъема сельского хозяйства. Особенно благотворным оказалось восстановление ленинского принципа материальной заинтересованности...

С высоты нынешних дней видно, насколько было серьезно положение в селе. Об этом с большевистской прямоотой сказал в резолюции XXII съезд партии: «Съезд отмечает большую работу, проведенную Центральным Комитетом по подъему сельского хозяйства. В результате последствий войны, а также допущенных в прошлом ошибок и недостатков руководства, сельское хозяйство страны оказалось в тяжелом положении. Низкий уровень производства сельскохозяйственных продуктов мог задержать развитие советской экономики, серьезно отразиться на благосостоянии народа».

...Однако тогда, после нашей беседы в станице Советской, я оставил Клименко в прескверном настроении, а сам отправился дальше, унося с собой груз острых впечатлений. В дальние края забирался я на «перекладных газонах», а небольшие, дистанции — от села до села — одолевал пешком. Так лучше видишь, больше слышишь...

В пути провел остаток весны и почти все лето. Побывал на Тереке, в степи Прикумской и в Манычской стороне, Нигде я не встретил на земле ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало плакат о травопольной системе земледелия. Вдоль дорог тянулись массивы озимой пшеницы: она стойко сопротивлялась стихии. Местами попадались участки подсолнечника и кукурузы, и они боролись за жизнь не без успеха. Зато обширные

поля сеяных трав представляли собой ужасное зрелище. Люцерна, которую с трудом можно было узнать лишь в непосредственной близости, едва-едва выбившись на поверхность, сиротливо никла к земле блеклыми побегами, им явно не суждено ни зацвести, ни тем более стать «травостоем». А «клетки» чистых паров, в отличие от люцерны, легко и безошибочно узнавались издали по дремучим зарослям бурьяна...

С кем бы я ни разговаривал — и с трактористами, и с комбайнерами, и с пастухами, и с доярками, и с чабанами, и с полеводцами, и с агрономами, и с председателями — все толки сводились к тому же, что заботило и возмущало Клименко. И в других станицах и селах, даже чаще, чем в Советской, встречались надписи «Сей дом продается». И всюду ловчил «торговый люд», кочевавший по дорогам, наживаясь на поставках в города продукции втридорога, пользуясь нехваткой продовольствия. Встречались и такие, которые покидали отчий край надолго, приговаривая: «Рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Обещаниями председателя сыт не будешь. На зарплате оно надежнее...»

В дороге от одного старика-попутчика я услышал любопытные рассуждения: «Добрая земля — полная мошна, худая земля — пустая мошна. А ежели еще с той землей да без ума обращаться... Вот через то самое степняки, кто крестьянское занятие любит еще, и перебегают от засухи в привольные места, поближе к Кубани, или туда, где рядом курортные города... Тамощный чернозем не сравнишь с нашими манычскими солонцами да солончаками. Близ Кубани земля завсегда родит исправно, и колхозникам на трудодень нет-нет да и перепадет сколько-нибудь хлеба и еще денег. А у нас вечно план не выполняется, хотя все под метелку вывозится. Колхоз по уши залез в долги — в жизнь не рассчитаться!»

И тут я вдруг вспомнил одну фразу, сказанную Клименко: «Пусть бы в прикубанских районах сеяли многолетние травы»... Почему-то тогда я ее пропустил мимо ушей, а теперь принялся расшифровывать. Да, это верно:

Кочубеевский и Ново-Александровский районы (земли их упираются в берега Кубани) имеют лучшие в крае черноземные почвы; там и осадков выпадает больше; они и от «астраханца» несколько удалены, как бы спрятались в пойме крупнейшей на Северном Кавказе реки. Бесспорно, это самая благодатная зона Ставрополя, на которую не без «зависти» взирают те, кто в поте лица борется с чудовищной стихией в северных и северо-восточных районах...

Вот и потянуло меня узнать, как же там, на Прикубанье, хозяйничают хлеборобы?

Вскоре я убедился, что и здесь, на «доброй земле», те же толки, что и на «худой земле». И в этой местности я не заметил тучной люцерны. А на паровых «клетках» роскошествовали сорняки. По дорогам, как и везде, шныряли проворные мужчины и женщины с громадными чемоданами, корзинами, мешками... И тут в селах можно было встретить надписи: «Сей дом продается», хотя не так часто, как, скажем, на Тереке или в Манычской стороне...

3.

Долго ходил я пешком по «доброй земле», вникая в жизнь благодатного Прикубанья. Однажды забрел на хутор Мищенский. Он меня сразу заинтересовал особенно. Во-первых,

36

тем, что я, шагая напрямик по полям, не обнаружил ни «клеток» паров, ни «ковров» люцерны. Во-вторых, это уже не хутор; скорее поселок городского типа. В-третьих, в нем — и это очень бросалось в глаза — много новых домов; на улицах чувствовался устойчивый «строительный» запах красок, сосновых стружек и железа. В-четвертых, на усадьбах весело шумели заросли высокой и кочанистой кукурузы. В-пятых, здесь ежегодно снимали отменные урожаи хлебов, и трудодень хорошо оплачивался...

В Мищенском я задержался недолго. Тут коротко сошелся с хуторянами, главным образом, с пастухами и доярками, и от них дознался, на какой «почве» расцветала артель «Полярная звезда», которая нынче влилась в колхоз «Казьминский».

Должен заметить, ни председатель колхоза, ни секретарь парторганизации, к которым я несколько раз «подкатывался», чтобы выведать «секреты», не сочли возможным удовлетворить мое любопытство и только дипломатично отделивались общими фразами, как будто чего-то опасались и не открывали какие-то свои «козыри», видимо, чтобы не остаться в проигрыше...

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Тем более, что, как я уже сказал: земля хуторян ничем не напоминала тот «плакат». Да и колхозники, особенно пастух Иван Кудлик, заведующий фермой Фокович, они, гордясь своими хуторскими жожаками, постепенно ввели меня в курс событий. Между прочим, я узнал, что в колхозе года три назад был сильный падеж овец и крупного рогатого скота от бескормицы. Председателю крепко нагорело...

Люди охотно рассказывали о радостных переменах на хуторе...

С прошлой осени И. С. Бурхацкий, мужчина богатырского роста, чаще обычного наведывался к Петру Павлию. Кое у кого этот факт вызывал удивление. Председатель, такой пожилой и многоопытный, как никто другой, сумел отстоять колхоз от наседавших уполномоченных, да еще так, что колхоз, добросовестно выполнив сполна все планы сдачи государству продукции, имел возможность выдать колхозникам на трудодни и хлеб и деньги. И вот такой человек будто подружился с «зеленым юнаком», совсем еще недавно, сразу же после действительной службы в армии, окончившим краевую школу колхозных кадров со званием «младший агроном», которого коммунисты артели избрали секретарем парторганизации. Характер Бурхацкого, сурового на вид и неразговорчивого, явно отличался от характера годного ему в сыновья Павлия, общительного, жизнерадостного, веселого.

Хуторяне понимали: Бурхацкий и Павлий состоят в одной партийной организации, а это сильно сближает людей различного возраста, звания и положения. Потому-то дружба между ними крепла изо дня в день.

Колхознику с большим интересом примечали: Иван Сафронович, бывало, зайдет к Петру Павлию, и они подолгу о чем-то совещаются; Можно было, разумеется, догадаться, о чем у них шла речь: уже по одному тому, что они частенько приглашали к себе седоволосого сухощавого старика Артема Ивановича Максименко известного всему краю колхозного опытного. Значит, беседовали о том, как культурно и с наибольшей пользой организовать сельскохозяйственное производство. Эта тема является тем «коньком», с которого не слезал Максименко не одно десятилетие. Иной раз они до утренней зорьки засиживались в правлении. Случалось так: поспорят о чем-то, до крика доходило. Но странное дело: после жарких споров они как будто становились еще дружнее.

Люди краем уха слышали, что сыр-бор у них разгорелся из-за «травополки». И уже не раз, как только заведутся, повыскакивают разгоряченные из конторы, сядут на тачанку и все трое вместе укатят куда-нибудь в поле, на фермы, на пастбища, чтобы на месте посмотреть то, что, похоже, вызывало противоречивые мнения.

Тут в степи, первое слово принадлежало Артему Ивановичу Максименко: семьдесят с лишком лет прожил он в этой местности и знает «характер» её, как говорится, назубок. Человек свои сорта пшеницы выводил...

И вот как-то ранней весной, после шумной поездки по полям, старик-опытник завел такой разговор:

— Есть у меня, дорогие друзья, одна думка, которая в моей голове так и вертится,— бойко обратился он к Бурхацкому и Павлию.— Едем мы со степи на хутор, а я все думаю... Но прежде всего хочу спросить вас вот о чем: помните вы наши пары?

— А то! — поспешил с ответом молодой агроном, досадливо нахмурившись.— Только что видели, Артем Иванович. Прямо смотреть стыдно... Да я уже три раза ругался с механизаторами! Все обещают...

— Да, пары основательно заросли, — задумчиво согласился Иван Сафронович, а сам выжидательно уставился на Максименко: «А ну-ка, старик, выкладывай, какая там у тебя есть еще думка... Да говори же скорее!» Но вслух он Артема Ивановича не подгонял, и будто лишь для того, чтобы заполнить паузу, только пробормотал навязшие в зубах слова: — На бурьяны механизаторы смотрят сквозь пальцы. За урожаем же им не-придется отвечать...

Заведующий колхозной хатой-лабораторией оживился еще более.

37

— Не про то я! — хитровато прищурился ей и как-то загадочно отрицательно помотал головой. — Меня не заросшие пары беспокоят... Хотя, собственно, в некотором смысле и они... Смотрю я сегодня на те пары, а они, вы же видели, сплошь заросли бурьяном... Живучие дикари! Однако я не по тому поводу...

— Америку открыл! — разочарованно буркнул Бурхацкий. — Я приготовился слушать про твою думку. А ты про сорняки на парах...

— Вот я и думаю, а не засеять ли нам те пары? — взволнованно и многозначительно произнес Артем Иванович и тотчас осекся, будто с языка его сорвалось что-то недозволенное, и он с минуту настороженно выжидал, как отнесутся к его предложению руководители колхоза, но на всякий случай он, предвидя возражения, заговорил тоном оправдывающегося человека, которого «довели» наконец-то, и заспешил с доказательствами в защиту своего неожиданного предложения: — Ведь земля наша... Есть в ней все: и достаточное плодородие, и влагой не бедна... Так зачем же сорняки разводить? Вот и давайте сделаем пары занятыми! Это же лучше, чем распространять осот, брицу, репейник, лебеду, щирцу... Четыреста гектаров какой-то искусственной залежи! Это же возврат к бескультурью... Курам на смех: залежь на прикубанской земле!

— Так вот, оказывается, у тебя, Артем Иванович, что на уме! — весь встрепенулся

своим массивным телом Бурхацкий и заинтересованно спросил: — И что же ты, Артем Иванович, предлагаешь конкретно вместо паров?

— Если конкретно, то и от люцерны радости нам мало...— уже смелее развивал свою думку Максименко.— Зеленой массы десять-двенадцать центнеров с гектара, что это за урожай! Вместо паров и люцерны посеять кукурузы, да побольше! И еще для разнообразия посеять хотя бы овсяно-ячменной смеси на сено... Получим прекрасные корма! Тогда уж будет чем скот кормить. А то сколько земли у нас, считай, пустоет... Уберем посева, и те паровые поля своим чередом пойдут под озимку... Другого выхода не вижу!

— Да-а,— осторожно согласился председатель и живо размышлял, вопросительно глядя на Петра Павлия. — Заманчиво наш опытник говорит! Признаться, и у меня в голову закрадывалась такая думка... Действительно, ерунда какая-то: выговора получаем за падеж, скот кормить нечем, а земля гуляет...

Петр Павлий молча внимательно слушал людей с большим опытом.

— От имени хаты-лаборатории голосую: занять пары! — совсем осмелел Артем Иванович и уже настаивал все более энергично.— Почему я кукурузу выставляю? А вы посмотрите, что народ на своих усадьбах сеет. Сплошь ее, кукурузу! В нашей местности — она родючая! Будет и силос и зернофураж... Ну, что вы скажете? А?

И тут Иван Сафронович и Артем Иванович как по команде выжидательно уставились на Петра Павлия: «Твое мнение, агроном?».

— Как будто нарушение...— вполголоса нерешительно отозвался Петр Павлий, видимо, не собравшийся еще с мыслями по такому щекотливому вопросу.— Неужели вы не понимаете... Это же подкоп под травопольную систему земледелия! В принятых севооборотах многолетние травы положено иметь. И пары ничем не разрешается занимать... Дознается начальство — шею намылит! Еще и на выговор

наскочишь...

— А ты, агроном, рассчитываешь всю жизнь без выговоров прожить? — невесело и скупно улыбнулся Бурхацкий.— По себе знаю: от этого вряд ли уйдешь... По крайней мере до сих пор в сельском хозяйстве было так, что выговор «заработать» проще пареной репы... А ты еще вот так рассуждай: разве выговоры за падеж скота, за низкую продуктивность животноводства слаще, чем выговор за... разумное использование земли? Без риска в сельском хозяйстве не обойтись... Рискнем? Я — за!

— Лучше, может быть, предварительно все-таки поговорить в районе? — сдерживающе посоветовал Петр Павлий.— Не слышал я, чтобы где-то еще отважились на такой шаг. Ни в газетах, ни в книжках не встречал. Не шуточное это дело: травополка затрещит по всем швам. Посоветоваться бы в районе, может, согласятся...

— Она давно трещит!— вставил Максименко.— Столько лет ее придерживались — ни хлеба, ни кормов скоту. Пора и за ум взяться! И в других колхозах противятся внедрению травополки... Нечего бояться района!

— Ну о чем мы будем говорить в районе, если сами еще не знаем, как оно у нас получится, — дипломатично возразил Бурхацкий, хитровато переглянувшись с Максименко.— Попробуем, а тогда и обнаружим. Уверяю тебя: райзовцы про наш опыт и не узнают. Сам знаешь, начальство только до правления дорогу находит. И то чаще всего по телефону. Не охота ж им в степи блукать. Откуда им знать, что у нас на полях? Так что опасаться нечего. Разве кто из корреспондентов пронюхает да разболтает... Ну, а засыплемся, ничего не выйдет, тогда уж пусть и выговора лепят... Пусть, хоть будем знать за что!

— Нужда - ведь заставляет! — напористо урезонивал агронома старик опытник.— Хочется же как лучше. Это учтется, если что...

— И чего это вы меня взялись агитировать! — сдался, наконец, и Павлий.— Мне самому попробовать, признаться, соблазнительно. Артем Иванович землю знает не хуже хлеба насущного. И я не могу не верить в удачу. Была не была... А?

Теперь уже старый опытник и агроном усталились на Ивана Сафроновича: за председателем последнее слово.

— Значит, пришли к единому мнению, — утвердительно заключил Бурхацкий,— занимаем пары!

Так на прикубанском хуторе Мищенском вытеснили пар, а потом и люцерну кукурузой и овсяно-ячменной смесью. (Спустя несколько лет овсяно-ячменная смесь уступила место сахарной свекле и бобам.) Колхозники это нововведение восприняли как должное, доверяя и своему жизненному опыту и проверенному на многих делах руководству колхоза, а также и своей прославленной хате-лаборатории во главе с Артемом Ивановичем Максименко.

Были, конечно, и такие хуторяне, которых удивил отказ от чистых паров, тем более от люцерны — такой, мол, высокопитательной травы. Трудно судить, сколько их, «травопольщиков», было на хуторе, но открыто и громогласно свое мнение высказал мне Фокович, заведующий молочной фермой, дебелий мужчина с лицом, изрытым оспой, что придавало этому, на самом деле добродушному и трудолюбивому человеку, неоправданно суровый вид.

— Правление наше спанталыку сбилось! — ворчал он, мешая украинские слова с русскими.— Дэ ж це видано, щоб такую силу кукурузы сиять? Вона-то обязательно уродится, та ще и як... Но кто ж ее уберет?! Колы б кукурузу косить однаково з пшеницей, ну, тогда б нехай, не страшно... Воно ж траву косить: раз-раз — и готово... А кочаны ломать — ой, сколько треба рук! ...Мне довелось увидеть «незаконно» занятые пары. Кукуруза действительно выдалась на славу. Лучший массив оставлен на зерно: центнеров по шестьдесят даст — это определено. А остальную — вот-вот начнут косить на силос. Там же, где на паровом клину росла

овсяно-ячменная смесь, в сторонке, по обочинам полей, уже стояли огромные стога зеленого сена.

— Хуторяне сильно влюблены в кукурузу,— пояснил мне Бурхацкий, когда мы с ним осматривали колхозные угодья.— На усадьбах все сотки под кукурузой. Когда трудодень был только «галочкой», с тех соток колхозники кормили и себя и свой скот... Вот мы и в поле эту культуру двинули: главный корм для скота!

Иван Сафронович указал на свежераспаханную «клетку», по краям которой высились стога.

— Вот это наши пары...

— Значит, теперь с кормами? — спросил я, чтобы вызвать председателя на откровенный разговор, от чего он все время уклонялся.

— Все та же земля дает... — Бурхацкий улыбнулся.— Не люблю я за то корреспондентов... Все-то вам надо знать, вынь вам да положь... Не скажу!

Так я и уехал тогда из Мищенского, не добившись прямого ответа от руководителей колхоза, хотя мне и самому уже было все ясно из рассказов хуторян.

После уже я узнал: как ни таились мищенцы, а в районе, конечно, узнали о новшестве, введенном в «Полярной звезде». Только уже после того, как кукуруза и сено были аккуратненько убраны. И земля вовремя была снова приготовлена под озимую пшеницу, распахана зябь. В том году сытой была зимовка скота. Коровы и свиньи вволю ели добротный силос с початками. И у овец не было недостатка в сене. А птица лакодилась кукурузным зерном. В результате колхоз очень быстро удвоил сдачу мяса, молока, шерсти и яиц. И за это получил большие деньги. На хуторе появились новенькие грузовые автомашины. Председатель пересел с тачанки на «Победу» кофейного цвета. На опушке ясеновой рощи, под взгорьем, неподалеку от прудов, рос животноводческий городок: строились коровники, свинарники, телятники...

Только все эти очевиднейшие факты процветания артели отвели угрозу от Бурхацкого. Хотя одно время за него было

цепко взялись райзовцы и проявили в этом «деле» (достойное иного применения) усердие; чтобы привлечь «зарвавшегося» председателя к «суровой ответственности». Порой, казалось, что это им вот-вот удастся... Но дело затянулось потому, что «kozyри» райзовцев были слабенькие и они фактами были биты: ведь нарушение-то «травополки» привело... к улучшению экономики колхоза! Долго потом еще в районе подбирались всяческие «ключи», чтобы обуздать своевольного Бурхацкого. И только после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС это «дело» было похоронено окончательно, и хуторяне получили беспрепятственную возможность творчески вести свое артельное хозяйство...

Живя на хуторе Мищенском, я часто как-то невольно «сличал» свои впечатления от поездки на Терек. И там и тут у людей были одни и те же заботы. Но была и существенная разница. В станице Советской тогда лишь сокрушались, энергично и верно говорили о порочности «травополки». А на Прикубанье не побоялись сделать «рискованные» шаги, чтобы разорвать тенеты, спутывавшие по рукам и ногам тружеников сельского хозяйства...

39

И это была та счастливая находка, ради которой мне стоило пуститься в путешествие!

4.

В разгар лета я попал в совхоз «Темижбекский». В нем мне приходилось бывать и раньше довольно часто. И теперь я сюда поспешил с хутора Мищенского с той целью, чтобы успеть к уборке урожая. Этот совхоз лучше всего «просматривается» в пору жатвы. В этом передовом хозяйстве в свое время самым серьезным образом внедрялась травопольная система земледелия. Как, раз тогда совхоз завоевывал звонкую славу и стал сдавать государству миллион пудов пшеницы. Этот успех в официальных бумагах объяснялся внедрением травопольных севооборотов.

И вот, сидя на хуторе Мищенском, я из газет узнал, что темижбековцы поставили перед собой задачу — отныне собирать по два миллиона пудов хлеба. Столь резкий скачок — от одного миллиона к двум! — вот что меня больше всего занимало. В чем тут дело? Неужели и в этом заслуга травопольной системы земледелия?

После того, что я увидел и услышал на хуторе Мищенском, меня и потянуло в совхоз «Темижбекский», чтобы узнать: что обо всем этом думает и скажет Иван Дмитриевич Боев? Директор совхоза — ученый агроном, в свое время окончил Тимирязевку. Его нельзя упрекнуть ни в незнании агрономической науки, ни в отсутствии энергичности в работе. Помнится: он ряд лет очень напористо расширял «травяной клин», осваивал травопольный севооборот, в котором кроме двух полей многолетних трав были и поля черного пара...

По дороге в совхоз я вдруг вспомнил. Однажды, несколько лет тому назад, в осеннюю пору я был свидетелем такой сцены. Озабоченный, с взъерошенной шевелюрой Боев и спокойный, знающий себе цену тракторист Василий Забегайло шли полевой дорогой. К ним на велосипеде подъехала управляющая пятым отделением Евдокия Селиверстова, краснощекая, в темно-синем костюме лыжницы, ладно облежавшем ее девичью фигуру. Дорога темно-серой лентой пролегла среди зеленого разлива пшеничного моря; справа и слева раскинулись неоглядные массивы дружной озими. Кусты ее так буйно разрослись, что уже не было видно строчек-рядков,

Иван Дмитриевич то и дело останавливался и бросал пытливые взгляды по сторонам. Управляющая и тракторист догадывались, что на уме у директора: он сравнивал разделенные дорогой поля.

— Интересно, запомнил ли он, где здесь были пары? — Забегайло прошептал Селиверстовой. — Совхоз ведь не маленький, шесть отделений, множество полей...

— Ну, вот вам, друзья, наглядная картина! — басовито произнес Боев. — Кто не знает эти поля, тот определенно скажет, что оба

паровые... Никакой разницы! Пшеница по осенней припашке нисколько не уступает той, что по парам... Нет, вы посмотрите, их не отличишь!

— Оба поля дадут высокий урожай! — уверенно заключила Евдокия Селиверстова. — Не менее двадцати центнеров...

— Очень возможно, — глухо произнес Боев, занятый какими-то своими думами.

По пути на центральную усадьбу, когда мы остались вдвоем, директор размечтался и рассуждал вслух:

— Интереснейший вопрос встает! Уже не первый год я наблюдаю: у нас на вынужденной припашке — это те поля, которые, из-за недостатка техники распахивались перед самым осенним севом — можно брать урожай не хуже, чем по парам... А ведь мы сейчас так сильны техникой и культура полеводства у нас поднялась, удобрений теперь больше, так что можно, пожалуй, смелее давать земле полную нагрузку! Попробовать, например, расширить посевы хлебных культур, сократив до минимума «гуляющие» площади под парами... А их у нас не одна тысяча. Вот где огромный резерв увеличения товарной массы хлеба!

Высказавшись вот таким образом, Боев вдруг как-то сник, будто спохватился, что «зарапортовался». И он явно что-то недоговорил, какие планы тогда роились у него в голове.

— Да-а-а, — гася вспыхнувшие было мысли, вяло проговорил Боев. — Все эти разговоры ни к чему. Так, чего доброго, можно дойти и до отказа от травопольной системы земледелия. А это уже криминальное дело! Ведь травопольный севооборот — директивный. И он диктует подбор и чередование культур! Все в тресте совхозов распланировано и приказом утверждено: сколько трав, сколько паров... Приказ есть приказ! Тут шутки плохи...

Вспомнив об этом, я подумал: на хуторе Мищенском, где люди рискуют, здорово получается... А как теперь в совхозе «Темижбекском»?

— Нынче дадим два миллиона пудов пшеницы! — не без гордости заявил Боев, когда мы с ним объезжали поля, на которых уже дудели комбайновые агрегаты. — За

счет чего? Площади посевов пшеницы увеличили. Урожайность, конечно, рвется вверх... Ведь это же черт знает что у нас было! «Фабрику зерна» чуть было не превратили в сенозаготовительный пункт... Да еще под черными парами «отдыхало» около восьми тысяч гектаров! При-

40

бавьте к ним многолетние травы. Добрая половина пашни отнималась у продуктивных культур... Практика убеждает, что на прикубанской земле пары — это неразумная роскошь! И люцерны два поля из десяти в травопольном севообороте — это еще тысячи гектаров «обездоленной» земли... Зачем все это? Ведь травяной пласт нам просто не нужен! У Вильямса как сказано? По пласту многолетних трав следует непременно сеять яровую пшеницу. Таково обязательное требование травопольной системы земледелия. Но мы же не собираемся сеять яровую пшеницу! Несколько лет пробовали: она у нас дает исключительно низкие, урожай... Самое верное дело — озимка! Но приказ есть приказ...

— Стало быть, не травополка дала увеличение хлебной массы?

— Абсолютно! — горячо ответил Боев. — Больше сдаем хлеба вопреки ей, травополке. И плодородие почвы по-настоящему теперь раскрывается. Урожайность, говорю, растет! Года три тому назад мы радовались четырнадцати центнерам с гектара. А теперь за двадцать перевалили. В чем «секрет» урожайности? Открою. Это припашка надоумила нас. Сейчас мы ее, припашку, заменили полупаром, а вот от чистых паров избавились совсем. Ну и травы жестко потеснили. Гулящей пашни нет... Вся земля дает продукцию! Та же площадь, а валовой сбор зерна удвоился!

Стало быть, и здесь, в совхозе «Темижбекском», по всем швам затрещала травополка. И это поднимает хозяйство!

— Вот так оно и получается, — раздумчиво заключил Боев. — Земля дает нам столько, сколько мы умеем взять... Мертвая схема только мешала земле проявить свое

плодородие. Земля не приняла травополку. Потому-то мы ее фактически давно отвергли. И в соседнем колхозе «Родина», где председатель Эдуард Иванович Собчинский отказался от травополки, дела быстрее пошли в гору!

Иван Дмитриевич упомянул о том самом Эдуарде Ивановиче Собчинском, даровитом председателе, который, переехав из «Родины» в колхоз «Безопасненский», в наши дни с неменьшим успехом поднимает крупнейшее хозяйство Ставрополя.

Почему-то мне в голову невольно пришла мысль, что Боев неспроста сослался на соседнего председателя: Эдуард Иванович Собчинский выходец из среды темижбековцев, и в его производственных делах, мол, сказала школа передового совхоза...

Я побывал не раз и в колхозе «Родина» и убедился, что Боев прав.

«Земля дает нам столько, сколько мы умеем взять»... Эти философские рассуждения Ивана-Дмитриевича Боева очень эффективно подкреплялись реальными цифрами и фактами. Как тут же не вспомнить скорбные мысли Глеба Успенского: «Будет так, как захочет земля... Человек в полной власти у этой тоненькой травинки... Она сама во власти каждой тучки, каждого ветерка, каждого солнечного луча». Подумалось: как далеко ушли советские земледельцы, покоряющие и подчиняющие своей власти природу! Темижбековцы на деле увидели, поняли и ощутили, что они способны уйти из-под власти земли и капризов стихии...

Однако, как же все-таки темижбековцы сделали такой скачок? На хуторе Мищенском просто кукурузой заняли пары и люцерну поначалу заменили смесью яровых культур. А в совхозе отказались от паров, заменив их полупаром. С «припашкой» я был уже знаком, А что такое «полупар»? Этот термин я встречал в агрономической литературе. Но в жизни — впервые столкнулся с ним как с важнейшим приемом земледелия...

— Это значит вот что,— ответил Боев.— Буквально вслед за уборкой хлеба идет распашка стерни. Комбайн с поля, плуг—в борозду. До сева озимой пшеницы

распаханная земля успевает получить нужную обработку, «отдохнуть»... Кроме того, пахоту, в том числе и зябь, вопреки требованиям учения Вильямса, не оставляем ребристой, а боронуем и прикатываем и тем самым не допускаем выдувания влаги, сохраняем плодородие почвы. От этого и структура почвы, чего особенно боялся Вильяме, не утрачивает желательных свойств. Вот и все... Если, конечно, не считать того, что меня окрестили и «недисциплинированным», и «зарвавшимся», и «партизаном». Кому что взбредет в голову, тот то и мелет. Но добавочный миллион пудов пшеницы, кажется, заткнет глотки трестовским оруженосцам травополки?!

Несколько позже, после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, темижбековцы сделали новый смелый шаг вперед: вытеснили: кукурузой и многолетние травы. Нынче «королева полей» в совхозе «Темижбекский» занимает более десяти тысяч гектаров! Почти столько, сколько при травополке занимали пары и травы. А на площади яровых культур — овса и ячменя — растут бобы и сахарная свекла. Ни одного гектара-тунейца, ни одного метра бесполезной земли! Это позволило, темижбековцам в два-три раза увеличить сдачу государству зерна, мяса, молока и яиц.

— Сельское хозяйство,— сказал мне недавно Боев, — делает прыжок в завтра! Исподволь рождалась новая система земледелия... С пропашной системой земледелия мы совершаем рево-

41

люционную перестройку производства сельскохозяйственной продукции, чтобы кратчайшим путем достичь коммунистического изобилия!

5.

Так бесславно рухнула лженаучная травопольная система земледелия, тяготевшая много лет над хлеботорбами. Советская земля не приняла эту «систему». Хлеботорбы противились внедрению «травополки», творчески пытались заменить ее рациональной системой земледелия, исподволь, как совершенно

справедливо заметил Иван Дмитриевич Боев, нащупывали пропашную систему земледелия и наконец-то к ней пришли. Сама жизнь проголосовала за перестройку!

Труженики полей Ставрополья решительно переходят на пропашную систему, чудесные плоды которой уже давно пожинают передовые хозяйства края. Они, преодолевая отрыв науки от практики, руководствуются здравым смыслом, который нашел свое убедительное выражение в словах Н. С. Хрущева: «Та система хороша, которая дает максимальное количество продукции на вложенный труд, та структура посевов хороша, которая дает наибольшее количество зерна в расчете на гектар пашни».

Сейчас ставропольцы, руководствуясь решениями мартовского Пленума ЦК КПСС, осуществляют переход на рациональную пропашную систему земледелия. Хлеборобы, развенчивая до конца оторвавшихся от жизни и народа «травопольщиков», смело заглядывают в завтрашний день. Уже в 1962 году они поставили перед собой боевую задачу: продать государству 127 млн. пудов зерна, 180 тысяч тонн мяса, 436 тысяч тонн молока, 31 тыс. тонн шерсти, 367 миллионов штук яиц. Это в два-три раза больше того, что давал край до 1953 года!

Все это оказалось возможным лишь в результате революционной перестройки сельского хозяйства. Ставрополье из года в год будет увеличивать свою долю производства продуктов питания. Порукой тому то, что в крае широко открыта «зеленая улица» озимой пшенице, кукурузе, бобам, свекле, которые обеспечат невиданный взлет и животноводству. С ними страна получит достаточное количество хлеба, мяса, молока, масла, яиц, фруктов и винограда.

Однако при решении этой одной из важнейших задач коммунистического строительства следует иметь в виду направляющие мысли, высказанные Н. С. Хрущевым: «Некоторые работники сельского хозяйства, разрабатывая планы на перспективу, забывают о том, что нам особенно важно именно в ближайшие годы

сделать решительный шаг вперед. Мы должны поставить своей целью уже в 1962 году добиться серьезных результатов в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов, поработать так, чтобы советский народ возможно быстрее ощутил плодотворные результаты осуществления решений XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза».

В конце этих своих заметок хочу сообщить, что в результате описанного моего путешествия по Ставрополью, предпринятого накануне революционного обновления деревенской жизни, я тогда же, как говорится, по горячим следам написал одну за другой документальную повесть о пастухах «Выбор судьбы» и книжки очерков «Степной университет» и «Крутой характер». В них и рассказал кое-что о том, что я узнал на хуторе Мищенском и в совхозе «Темижбекский».